

щее: лиро-эпический текст Ипатьевской вовсе не связан органически с житием Даниила. Он был вставлен позже и довольно неумело. Житие начинается: «По смерти же великого князя Романа» и рассказывает о его славе в эпических тонах. Затем начинается новая фраза: «Ревноваше же деду своему Мономаху» и здесь излагается прекрасный отрывок песни о хане Отроке и траве емшан. Наконец, сказано: «Роману же князю ревновавшу за то, и тщащяся погубити иноплеменники. Велику мятежу восставшу в земле Руской, оставшима же ся двеима сынома его, един 4 лет, а другий дву лет» и т. д.

О Романе рассказывается как о живом, но ничего не сказано о его смерти. Фразы о Мономахе и о великом мятеже совершенно не связаны друг с другом ни по смыслу, ни по стилю. При внимательном анализе ясно, что житие Даниила начиналось так: «По смерти же великого князя Романа, приснопамятного самодержца всея Руси (одолевша всем поганским языком, ума мудростью ходяща по заповедем Божиим),⁶⁴ велику мятежу воставшу в земле Руской, оставшима же ся двеима сынома его, един 4 лет, а другий дву лет, собравшу же Рурику Половци и Руси много и приде на Галичь, оставив мниский чин, бе бо приял боязни ради Романовы».

Биограф Даниила просто начал с событий после смерти Романа 14 октября 1205 г. и изложил их в одной фразе с характерными для его стиля дательными самостоятельными. Впоследствии он же или позднейший редактор решил, что надо что-то сказать о приснопамятном Романе.⁶⁵ Тогда уже были вставлены и его характеристика, и песня о его прадеде Мономахе, разрезавшие основную фразу. Житие Даниила получило лирическое вступление. То же произошло с житием Александра Невского. Написанное после его смерти в 1263 г. его современником, оно начиналось просто: «Месяца ноября в 23 преставися великий князь Александр... Скажем мужество и житие его», и продолжалось в прозаическом духе. Однако позднейший редактор, найдя отрывок «Слова о погибели», решил сделать из него вступление к житию, поскольку этот отрывок говорил об отце и предках Александра. В обоих случаях редакторы поступили не особенно умело, но заслуживают благодарности: они сохранили прекрасные образцы древнего песенного творчества.

9. «Слово о погибели» и «Слово о полку Игореве»

Говоря о «Слове о погибели», нельзя не указать на его отношение к «Слову о полку Игореве». Н. К. Гудзий в своей статье упомянул, что об известном сходстве между обеими поэмами писали уже Х. М. Лопарев, М. С. Грушевский и Н. Серебрянский, но лишь мимоходом. Затем он замечает: «Но настойчивее всех о связях „Слова о погибели“ со „Словом о полку Игореве“ говорит А. В. Соловьев» и вкратце приводит мои соображения. Однако вывод его следующий: «Все эти параллели из обоих памятников, в том числе в наибольшем количестве подобранные А. В. Соловьевым, настолько общего характера, что едва ли могут свидетельствовать о литературной связи „Слова о погибели“, со „Словом о полку Игореве“, даже при тех оговорках, которые делает А. В. Соловьев.

⁶⁴ Слова, взятые в скобки, могут тоже быть позднейшим добавлением.

⁶⁵ Возможно, что это сделал сам биограф, ибо он по-своему изменил текст песни, поставив в нем десять дательных самостоятельных. О дательном самостоятельном как особенности стиля автора жития Даниила Галицкого см. статью Д. И. Чижевского «Über den Stil der Galizisch-Volynischer Chronik» (Südost-Forschungen, Bd. XII, München, 1953, стр. 79—108).